

ПОЛИНА ЛУГОВЦОВА

ШИША

ИЗГОНЯЮЩИЕ БЕСОВ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л83

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения правообладателя
запрещается.

Серия «Тайны глухих деревень»

Оформление — *Жанна Михайлова*

Луговцова П.

Л83 Шиша. Изгоняющие бесов: [роман] / Полина Луговцова. — Москва : Издательство АСТ, 2025. — 320 с. — (Тайны глухих деревень)

ISBN 978-5-17-169797-6

В окрестностях Дивноречья находят заброшенную деревушку Шишу, что в переводе со старославянского означает «бродяга» или «вор». Работники местного музейного комплекса в замешательстве – не может быть, чтобы целая деревня простояла здесь столько лет и никто её не видел. Они начинают перевозить старые дома в свой комплекс, однако с того момента в Дивноречье начинают происходить необъяснимые события. Всего за одну ночь в деревне случилось несколько убийств, а жители ведут себя странно, будто их подменили. Студентки Аглая и Дина вместе с местной девушкой Лукерьей хотят спасти Дивноречье и его жителей и начинают собственное расследование. Удастся ли им справиться с темной силой? И придёт ли конец загадочным смертям?..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-169797-6

© П. Луговцова, 2025

© ООО «Издательство АСТ», 2025

*Бесовское зло
Сдальсь и ушло,
А все, что осталось —
Сломальсь,
Умерло, да и сгинуло,
Навеки свет белый покинуло.*

ПРОЛОГ

Автомобиль резко затормозил на проселочной дороге, подняв густые клубы пыли. Мужчина, сидевший за рулем, выругался, но не злобно, а с облегчением, увидев, что обе девочки, выскочившие из леса прямо ему под колеса, остались целы и невредимы.

— За вами что, черти гонятся?! Куда несетесь, не глядя?! — с сердитым видом заорал он, высунувшись в окно, но тут же осекся, увидев их бледные испуганные лица.

— Пожалуйста, помогите! — Одна из девочек, повыше ростом и с виду постарше, вцепилась тонкими, перепачканными в грязи пальчиками, в опущенное стекло водительской двери.

Мужчина заметил, что ногти у нее обломаны, а кожа на пальцах содрана до крови.

— Что случилось? — спросил он внезапно охрипшим голосом и окинул девочку внимательным взглядом в поисках других ссадин или синяков, но на глаза ему не попало ни единой царапины.

На длинном светлом сарафане не было ни грязных пятен, ни прорех, разве что парочка колючих шариков репейника прицепилась к подолу.

— Там тетенька помирает! — закричала вторая девочка, малышка лет шести. Она стояла перед капотом, указывая трясущейся худой ручонкой в сторону леса. — Ее надо выкопать!

— Выкопать? — повторил мужчина и вопросительно посмотрел на старшую девочку.

— Надо выкопать, — подтвердила она уже чуть более спокойно. — У вас есть лопата?

Лопата всегда лежала в багажнике и часто выручала мужчину на проселочных дорогах — по зиме снег откидать, если вдруг машина забуксует, а в слякотное время, наоборот, грунта и сухих листьев подсыпать, если дорогу совсем развезло. Жил он в деревне, и вокруг всюду были такие вот ненадежные дороги, поэтому и лопата имелась, но пускать ли ее в ход на этот раз? Мужчина с сомнением посмотрел на девочку за окном.

— Объясни, в чем дело.

— Там, в лесу, женщина по самую шею в землю закопана! — выпалила она и прерывисто выдохнула.

— Ох, ты ж... А ну пойдём, посмотрим.

Мужчина, кряхтя, выбрался из машины, прошел к багажнику, достал лопату и уже хотел захлопнуть его, но вдруг задумался. Если девчонки говорят правду, то лучше вызвать полицию и до их приезда ничего не трогать. А еще лучше... еще лучше убраться отсюда подобру-поздорову, а то ведь как пристанут с вопросами, и не отвяжешься.

Младшая девочка подошла и нетерпеливо дернула его за рукав:

— Тетенька умирает!

— Иду, иду. Показывайте дорогу. — Он все-таки подхватил лопату и направился к лесу вслед за детьми.

Едва он шагнул под сень сосновых крон, как сразу ощутил присутствие чего-то враждебного. Послышались не то вздохи, не то шорохи, они неслись отовсюду, приближаясь с каждым мгновением, словно нечто незримое кружило вокруг него, сжимая кольцо. Мужчина остановился и боязливо огляделся, но вскоре понял, что это всего лишь сухие листья кувыркались в траве от едва уловимого ветерка. Жесткие листья, вроде бы осиновые. И откуда здесь, в сосновом бору, осиновым листьям взяться? Хотя вон, через поле, березовая роща, а в подлеске там осинник, и уж облетел весь, даром что сентябрь еще не закончился. Березы-то все в золоте стоят. Еще неделя, и тоже оголятся, а листва

поблекнет и ляжет на землю мягким тяжелым ковром. А вот осиновые листья жесткие, когда трепещут на ветру, то звук такой, будто кошки скребутся.

— Дяденька! Скорее! — Старшая девочка помахала ему издали.

Сделав над собой усилие, мужчина двинулся на зов: каждый шаг давался с трудом, словно ноги отказывались двигаться в ту сторону. В голову полезли всякие байки о нечисти, которых он немало наслушался за свою жизнь. Были среди них и те, в которых говорилось, что нечисть может кем угодно прикинуться, хоть собакой, хоть вороной, хоть даже маленькой девочкой — лишь бы человека с толку сбить да заманить в гиблое место. Вот спрашивается, и кто эти девочки? Откуда они взялись здесь, посреди леса? В своем селе он их никогда не видел, а другое село находилось километрах в пяти отсюда. Не очень далеко, конечно, но это для взрослого человека, а дети-то как здесь одни оказались?

— Дяденька!

Он вздрогнул от нового возгласа и словно пришел в себя, даже устыдился собственной трусости. Прибавив ходу, он вскоре вышел к девочкам, стоявшим рядом с пеньком, — это ему так вначале почудилось, а потом он разглядел в том пеньке человеческую голову, торчавшую прямо из земли. Лицо скрывала копна волос, таких грязных, что определить их цвет было невозможно.

От неожиданности мужчина выронил лопату, и она, падая, ударила его по ноге.

— Вот черт! — выругался он.

Девочки одновременно поднесли ладошки ко рту и зашипели. Точно, как в фильмах ужасов показывают.

— Не надо в лесу это слово произносить, — тихо сказала старшая девочка и показала на голову в земле. — Выкопайте тетеньку.

Мужчина перевёл взгляд на голову, шагнул ближе, присел и осторожно приподнял волосяную завесу, чтобы разглядеть лицо. Оно принадлежало молодой женщине лет

двадцати или немногим больше, это было видно даже несмотря на перепачканную грязью кожу. Никаких признаков жизни в нем не угадывалось: глаза женщины были закрыты, губы отливали синевой, а щека показалась на ощупь твердой и холодной, когда мужчина прикоснулся к ней. Слишком холодная щека для живого человека. Этого он и боялся. Если перед ним труп, то его точно нельзя трогать.

Он обернулся к девочкам и вздрогнул: теперь их стало трое! Третья девчушка, такого же роста, как и младшая, но очень пухленькая, стояла чуть поодаль.

— Кто это? Подружка ваша? — спросил мужчина, дрогнувшей рукой показывая на девочку, появившуюся невесть откуда.

Старшая и младшая взялись за руки и прижались плечом к плечу, словно опасаясь чего-то.

— Это же не человек, — ответила старшая. — То кукла-лихоманка, разве не видно? Вы только не глядите на нее. Нельзя. Потом худо будет.

— А-ах, вон оно что!

Мужчина поспешно отвел взгляд, потому что о куклах-лихоманках он был наслышан. Их делали для того, чтобы вытянуть все дурное из человека — будь то телесная хворь или душевная. Даже бесов так изгоняли, в куклу «перекладывали». Многие в деревне лечились этим способом и верили, что исцелились именно благодаря правильно подобранной лихоманке. Правда, сам мужчина к помощи лихоманок не прибегал, не возникло такой нужды, слава богу, а те куклы, которых он видел у односельчан, были куда меньше этой, торчавшей среди сосен в десятке шагов от него. Самую большую лихоманку из тех, что он знал, называли Кумохой, ее размер вдвое превышал размер остальных лихоманок, но и Кумоху делали обычно не больше кошки. Что за «лихоманка» находилась сейчас перед ним и зачем ее тут поставили? Вероятно, для исцеления женщины, закопанной в землю. И, похоже, лихоманка со своей задачей не справилась — женщина по-прежнему не подавала признаков жизни.

ШИША. ИЗГОНЯЮЩИЕ БЕСОВ

Мужчина шагнул к девочкам, выжидающе смотревшим на него.

— Давайте-ка вернемся обратно к машине, надо бы полицию вызвать, и «скорую», а здесь связь плохая, придется на трассу выехать. Со мной поедете, одним вам нельзя в лесу оставаться.

— А тетенька? — Старшая вскинула тонкие, выгоревшие на солнце брови и с сочувствием посмотрела на женскую голову.

— Мы скоро вернемся, и с подмогой. А я-то ничем не помогу, у меня и аптечка в машине почти пустая. Ступайте за мной, так лучше будет. Пусть службы с этим делом разбираются. Тут, может, преступление совершено.

Девочки послушались: повернулись, и все так же держась за руки, двинулись к опушке леса, в ту сторону, где стояла машина. Да только ушли они недалеко, вдруг исчезли, будто их ветром сдуло, — ветер как раз поднялся нешуточный. Закачались деревья с надрывным скрипом, зашумели хвойные кроны, и закружила над лесом стая черных воронов. Мужчина взглянул на лихоманку, быстро перекрестился и зашагал прочь, надеясь, что после того, как покажет это место полиции, больше в этот лес ногой не ступит.

Но ступить все же пришлось, и не единожды, потому что та женщина, что была в землю по горло закопана, умерла, правда, не в лесу, а в поселковой больнице, на следующий день после того, как ее туда доставили. Однако в сознание она не приходила и рассказать о том, кто так поступил с ней, не смогла. Что странно, кукла-лихоманка исчезла. Когда мужчина вернулся в лес вместе с полицией, ее там уже не было. Только и остался в том месте обломок воткнутой в землю палки. Мужчина отлично разбирался в местных растениях и по цвету коры безошибочно определил, что палка была осиновою веткой, отломленной от дерева совсем недавно.

ГЛАВА ПЕРВАЯ ЛУКЕРЬЯ

Вто утро тишину в поселке Дивноречье впервые за всю историю его существования нарушил не петушиный крик, а пронзительно звонкий деревянный перестук. Разбуженные петухи тотчас разразились недовольным хриплым кукареканьем, словно досадовали на то, что начало нового дня в этот раз провозгласили не они. Стук доносился из музейного комплекса «Старина славянская», растянувшегося между рекой и поселком на несколько сотен метров. От поселка его отгораживал высокий забор из толстых, пригнанных плотно друг к другу деревянных столбов с заостренными концами — частокол. Из-за забора виднелись крыши построек: сторожевых башен, колоколен, изб, купеческих теремов — все это составляло экспозицию комплекса. Комплекс временно не работал по причине того, что на днях туда доставили новые экспонаты — разобранные на бревна срубы найденной в поле заброшенной деревни. Рабочим отвели на сборку изб всего неделю, и, чтобы успеть в срок, они приступили к делу спозаранку, взбудоражив не только петухов, но и весь поселок. Жители едва успели продрать глаза спросонья, как молва понеслась по улицам от одного двора к другому:

— Слыхали, музейщики давеча бесхозные избы приволокли? Говорят, нашли целую деревню!

— И что, совсем пустую?

— Так и есть. Ни единой живой души, даже жилым не пахло!

— И далече ли нашли?

— Да, говорят, на другом конце леса, что начинается у нас за околицей.

— Ой, брешут! Лес тот хоженный-перехоженный!

— Вот и я думаю — брешут. А раз брешут, так неспроста ведь. Скрывают что-то. А ну, как хозяева у избушек объедятся?

— Ага-ага, а может, и еще чего похуже выплывет!

Среди ворчания и недовольства слышалось иногда короткое слово, неприятное, как шорох неизвестной природы, раздавшийся в темном углу дома после заката: «Шиша это, точно Шиша». И тут же на осмелившегося это сказать испуганно шипели: «Ш-ш-ш... тише, тише, не болтай, а то и в самом деле приманишь». «Но ведь не было у нас в округе никаких заброшенных деревень!» — с сомнением возражали те, кто касался запретной темы. «Откуда тебе знать, что не было? Раз нашли, значит была!» — обрывали возмутителей спокойствия, и мало-помалу пересуды утихали. Но это потому, что Лукерья тех разговоров не слышала. О Шише она могла бы им много чего рассказать. Но она продолжала безмятежно спать, и стук укладываемых в срубы бревен не только не мешал ей, но даже напротив, навел прекрасный сон.

Снилось Лукерье, что жених для нее терем строит. Блестит на солнце гладкая древесина высокого сруба, вокруг суетятся мастера, простукивают бревна, подгоняя их плотнее друг к другу, а жених стоит чуть в стороне, рядом с кучей необработанных сосновых стволов, следит за работой, а заодно и стволы осматривает, отбраковывая гнилые и сучковатые. В реальности никакого жениха у Лукерьи, конечно, не было — кто ж полюбит сиротку с чужинкой? — но во сне она точно знала, что парень, который руководит строительством терема, ее суженый, и зовут его, как знаменитого русского богатыря — Илья. Да и внешне он похож на былинного героя: под взмокшей от пота рубахой проглядывает богатырская стать, в плечах — косая сажень, а волосы цвета спелой ржи льнут ко лбу и вискам крупными кольцами. Разве что бороды не хватает, но может, оно и к лучшему. Борода скрывала бы улыбку, которой он просиял при виде Лукерьи. Это сияние затмило для нее все вокруг, и даже разгораю-

щийся рассвет. Засмотревшись на суженого, Лукерья едва не выронила из рук туюс, полный студеной колодезной воды, который принесла для него. Илья вовремя подхватил берестяной сосуд, снял крышку, прильнул губами к краю и долго пил, не сводя с нее пылкого взгляда. Глаза у него были цвета опавшей хвои, с яркими бронзовыми крапинками, и лучились светлой колдовской силой — той силой, которая нагоняет страх даже на самых хитрых и злобных бесов. Илья слыл известным на всю округу бесогоном — избавлял человеческие души от пагубного влияния всякой нечисти, прицепившейся однажды и мучившей до тех пор, пока человек не сойдет в могилу. Илью уважали и побаивались, а Лукерья очень им гордилась. Удивительно, что он выбрал себе в жены такую «бледную немочь», как она — так шутливо называла ее тетя. А ведь на него первые красавицы засматривались! Неужто ждали над Лукерьей высшие силы, соблаговолили отмерить и ей долю человеческого счастья после того, как она вдоволь горя хлебнула? Долго ли продлится то счастье? Проживут ли они с Ильей всю жизнь в любви и согласии и, как в сказке, умрут в один день? Что-то не верилось Лукерье в такое. Чужало ее сердце: придет час, и бесы отомстят Илье за то, что не дает им вольготно разгуляться, мешает вершить бесовские злодеяния. Да и вообще, известно ведь, что бесы счастливых людей терпеть не могут, из кожи вон лезут, чтобы жизнь таким людям испортить, потому что страдания человеческие — вот главная цель и радость для всякой нечисти.

Напившись, Илья утер ладонью губы, отдал Лукерье пустой туюс, обнял ее за плечи и зашептал на ухо ласковые слова. Затрепетало от них Лукерьино сердце, и мрачные мысли тотчас рассеялись, как тучи после грозы. Илья повернулся и пошел обратно к недостроенному терему, часто оглядываясь на нее с улыбкой и... тускнея с каждым шагом. Тускнел не только Илья, но и весь мир вокруг обесцвечивался и терял четкость. Лукерья часто заморгала, надеясь, что от этого в глазах должно проясниться, но вдруг услышала скрип, похожий на тот, с каким вращается старый ко-

лодезный ворот. Повернулась на звук. Никаких колодцев поблизости не было. В той стороне стояла дюжина черных, вросших в землю избушек, а среди них на вытоптанной лужайке высилась простая деревенская карусель. Лукерья каталась на такой в детстве вместе с младшей сестрой Анишкой. Анишка тогда только-только говорить научилась и смешно коверкала слова. Карусель она называла «куролесой», не зная о том, что у этого слова был совсем другой смысл. «Куролесить» означало строить козни, дурачиться, чудить. Вслед за Анишкой и Лукерья стала говорить «куролеса» вместо карусели, тем более что катание на ней без дурачества не обходилось. Куролеса была любимой забавой всей детворы и редко простаивала без дела. Она тянула к себе, как магнит.

Не то что эта. Черная и страшная, похожая на виселицу из-за того, что на концах веревок вместо дощатых сидений болтались петли. На нее и смотреть-то было неприятно, не то что кататься.

Скрипело, вращаясь вокруг оси, колесо этой карусели-«виселицы», прикрепленное к верхушке высокого деревянного столба. С обода колеса свисали шесть длинных веревок с петлями, немного не достающих до земли. В одной из петель сидела, держась руками за веревку, какая-то девочка. Расстояние до карусели было немалое, но Лукерья видела, что девочка смотрит на нее. Смотрит — и криво, недобро улыбается, перебирая по земле ногами. Медленно и натужно крутилось колесо карусели — видно, что тяжело было такой малышке вращать его одной. Карусель ведь рассчитана на шестерых. В одиночку и даже вдвоем ее как следует не раскрутить, так, чтобы полететь над землей, — Лукерья хорошо это знала, когда пыталась прокатиться на карусели вдвоем с сестрой. Чтобы хорошо покататься, требовалась компания. Анишке было семь, когда Лукерья видела ее в последний раз, примерно столько же, сколько и девочке, которая сверлила сейчас Лукерью недобрым взглядом.

Колесо карусели вращалось все быстрее, и вместе с этим скрип усиливался, а мир продолжал тускнеть и растворять-

ся прямо на глазах, будто был соткан из тумана и таял под лучами рассветного солнца. Лукерья спохватилась, хотела бежать к Илье, испугавшись, что никогда его больше не увидит, но опоздала: взгляд пронзил пустоту в том месте, где стоял строящийся терем, Илья исчез вместе со всеми мастерами, исчезла и гора пиленого леса — даже щепок на траве не осталось.

Ужас охватил Лукерью, такой же сильный, как в детстве, когда она поняла, что потеряла всю свою семью — бабушку, дедушку, мать, отца и Анишку. Горестный крик уже рвался из ее груди наружу, но застрял в горле, когда девочка на карусели вдруг захрипела старческим голосом:

Тише, детки, тише,
Рядом бродит Шиша,
Зверем хищным рыщет
И поживу ищет.
Ну а ежели найдет,
Без разбору приберет
Старых, малых, молодых,
Сильных, слабых и больных.
И ни грешных, ни святых
Не останется в живых!

Девочка говорила голосом Лукерьиной бабушки. И эта страшная прибаутка была тоже бабушкина! Откуда она ее знает?.. Лукерья вгляделась в лицо девочки и увидела, что оно сплошь изрезано глубокими морщинами — лицо тоже было бабушкино!

Лукерья завизжала от ужаса, заглушая скрип карусели, и... проснулась. Солнечный свет, льющий в окно, принес мгновенное успокоение. С улицы доносился далекий, но очень звонкий деревянный перестук, точно такой же, какой Лукерья слышала в своем сне. Она вздохнула, сожалея о том, что жениха и терема наяву ей, скорее всего, никогда не видать, и, откинув одеяло, села на кровати.

В доме было тихо. Наверное, тетя Клава уже ушла в музейный комплекс. Она работала там ткачихой на старинном ручном ткацком стане, причем ее работа заключалась не только в изготовлении полотна, но и в том, чтобы на процесс ткачества могли посмотреть посетители. То есть тетя в каком-то смысле сама была частью музейной экспозиции. Еще она подрабатывала горничной в купеческом доме-музее, который сдавался постояльцам, и дважды в неделю по вечерам ходила туда делать уборку.

Иногда она брала с собой Лукерью, хотя и ворчала потом каждый раз: «Помощи от тебя как от козла молока. Неуме-ха, кто ж тебя замуж-то возьмет? Свадилась на мою шею». Лукерья в ответ лишь молча вздыхала: приходилось терпеть, ведь идти ей все равно было некуда. Родной дом в селе Приютово сгорел в пожаре, и все, что у Лукерьи осталось от родителей, это пенсия с нелепой формулировкой «по потере кормильца», которую она полностью отдавала тете. Получив деньги, тетя ненадолго добрела, иногда даже на целый день, а потом у нее вновь становился недовольный и усталый вид. Она часто вздыхала и сетовала на то, что через год Лукерья окончит школу, и пенсию платить перестанут. «Уже перестали бы, — как-то призналась она, — но хорошо, что я упростила на второй год тебя оставить, чтобы ты хоть немного ума набралась». Лукерья на это лишь виновато кивнула.

Училась она и правда хуже некуда, хотя, по словам учителей, способности у нее были неплохие, а вот с концентрацией внимания дело обстояло худо: Лукерья все время уходила в свои мысли и возвращалась назад только от гневного окрика вроде «хватит считать ворон» или «вернись уже с небес на землю». Но, наверное, учителя жалели ее, зная о том, что она круглая сирота и пережила большое горе, поэтому ставили тройки чаще, чем двойки, и Лукерья вполне могла бы стать выпускницей, а что делать потом, она понятия не имела и была благодарна тете за еще один год безмятежной жизни, когда можно было не думать о будущем. Лукерья готова была думать о чем угодно, но только